

ЦК КПСС - товарищу ШВЕРНИКУ Н.М.

Маркус Софии Львовны, член КПСС
с 1905г., п.б. № 03950907.

Сергей Миронович Киров очень любил Серго Орджоникидзе. Серго также любил Кирова. Это были закадычные друзья. Где бы они ни находились, они почти ежедневно находили друг друга по телефону. Сергей Миронович по приезду в Москву всегда останавливался у Серго. Друг о друге они всегда очень заботились.

К тов. Сталину Сергей Миронович относился очень хорошо, дорожил его вниманием, заботился о его покое, но правду, как бы горька она ни была, Киров всегда Сталину говорил прямо, откровенно. В последние годы жизни Сергея Мироновича т. Сталин часто оставлял Кирова ночевать у себя, когда Киров бывал в Москве. В большинстве случаев эти ночи они вдвоем проводили в беседах.

Киров не совсем одобрял обстановку московской жизни. Когда его избрали после ХУП съезда Секретарем ЦК партии и т. Сталин требовал, чтобы Киров переехал в Москву, он категорически отказался от переезда. Он соглашался, как необходимо будет часто выезжать в Москву для работы но Ленинградскую организацию он не мог оставить. Это было выше его сил. Сергей Миронович говорил Марии Львовне, что помимо всего прочего, если переедет в Москву, то со всеми переругается.

Серго Орджоникидзе в последние годы своей жизни очень много переживал.

Зинаида Гавриловна рассказала мне после того, когда из закрытого письма ЦК партии мы узнали о причине смерти Серго, о последнем дне жизни Серго. Он должен был на другой день (понедельник) делать доклад на Пленуме ЦК партии. Накануне воскресенья он очень волновался, не мог заснуть и много беседовал с Зинаидой Гавриловной. Он говорил ей, что ему очень тяжело; особенно тяжело, невыносимо то, что "Коба мне политически перестал доверять". С этим Серго примириться не мог.

Что касается покушения на жизнь Сергея Мироновича, должна сообщить два факта, которые произошли, как мне помнится, в 1934 году.

Однажды Мария Львовна увидела в подъезде одну женщину, которая показалась ей очень подозрительной. Она позвонила Медведю, сообщила о своих подозрениях, но убедительно просила ничего не говорить Сергею Мироновичу. Медведь женщину с подъезда убрал, но доложил об этом Кирову.

Другой случай произошел в квартире Кирова.

Мария Львовна строго приказала домработнице никого через черный ход не впускать, а на звонки парадного входа, если Сергей Миронович был дома, выходила только Мария Львовна или кто-нибудь из нас, родных. Домработница не имела права, согласно строгому приказу Марии Львовны, выходить на звонки.

Как-то рано утром, когда Сергей Миронович был еще дома, я услышала звонок с черного хода. Я насторожилась и услышала, что домработница открывает двери, я вышла из комнаты, подошла к кухне и ужаснулась, увидев в дверях на пороге кухни двух здоровых парней, хорошо одетых. Я услышала, как домработница сказала: "Да, дома". Я постаралась как можно спокойней спросить: кого спрашивают? Домработница очень смутилась, ответила: "Сергея Мироновича". Я говорю, он уехал только что. Домработница заявляет, это неправда, он дома. Я говорю: хорошо, проверьте у Марии Львовны, в надежде, что Мария Львовна сразу сообразит и ответит, как надо. Это было счастье. Мария Львовна сказала, что Сергей Миронович только что уехал. Эти парни бросились бежать, очевидно, надеясь, что догонят Сергея Мироновича. К этому случаю даже Сергей Миронович отнесся очень внимательно и согласился на увольнение домработницы, которая была рекомендована органами НКВД, но он просил Марию Львовну подыскать домработницу самостоятельно: "Только не через органы НКВД".

У Кировых была одна домработница. Без нее в семье было очень трудно. Бывали дни, когда Сергей Миронович, приезжая домой пообедать, принимался помогать Марии Львовне, чистить картошку и вообще помогать по-хозяйству. Домработницу самостоятельно так и не нашли. А когда Мария Львовна уехала в Дом отдыха, была приглашена одна знакомая Кировых. Это была Елена Августовна Нисс, которая согласилась временно обслуживать Сергея Мироновича. К сожалению, она умерла несколько лет тому назад.

1 декабря 1934 года только она одна знала, как провел Сергей Миронович свой последний день. Мария Львовна была с младшей сестрой в Доме отдыха, а я была в пути к Сочи. В последний раз мы, родные, видели Сергея Мироновича 24 ноября 1934 года, когда он уезжал на Пленум ЦК партии, в Москву. Этого вечера, когда мы провожали Сергея Мироновича, в последний раз в Москву мне никогда не забыть.

Сергей Миронович часто выезжал в Москву и это казалось очень обычным. А на этот раз всем было невыносимо тяжело. Тяжелое настроение было и у Сергея Мироновича. Непонятно было отчего такое настроение

Сергей Миронович говорил о Пленуме, о том, как хорошо будет, когда будет отменена карточная система и каждый рабочий получил при свободной советской торговле хлеб хорошего качества и по своему вкусу. Но почему же так тяжело? Надо бы радоваться, а вместе с тем что-то тяжелое нависло над нами. Мария Львовна хотела поехать на вокзал проводить Сергея Мироновича, хотя она раньше никогда не провожала его. Сергей Миронович очень просил этого не делать, так как она не совсем здорова еще и ей необходим покой. Он убеждал ее, что приедет 30 ноября, 1 дек.сделает доклад на партактиве и непременно приедет в Дом отдыха, так как очень устал. Он не был еще в отпуске, а год был очень напряженный.

Необходимо сказать, что 1934 год в семье Кировых был периодом исключительно тревожной жизни.

Мария Львовна жила много времени в очень напряженном состоянии: она была в большой тревоге за жизнь Сергея Мироновича. Мария Львовна была убеждена, что на жизнь Сергея Мироновича готовится покушение.

Сергей Миронович, стремясь ее успокоить, старался ее подозрения превратить в шутку. Она ему говорила: "Ты все превращаешь в шутку, а ведь тебя на лестнице могут убить, когда ты поднимаешься в 4-й этаж или спускаешься по лестнице. Охраны нет".

Мария Львовна на зиму не замазывала двери на балкон. В квартире от этого было очень холодно. В кабинете не выше 4°, а в столовой, которая служила рабочей комнатой Сергея Мироновича, не выше 10°. Сергей Миронович, приходя домой, одевал меховую куртку и меховые унты.

Я спросила Марию Львовну, почему она не замажет дверь на зиму, ведь все тепло уходит из квартиры. Она мне ответила, что, когда Сергей Миронович выходит из квартиры и спускается по лестнице, она должна выйти на балкон и убедиться, что его на лестнице не убили. Она не может быть спокойна, пока не увидит его садящимся в машину.

Такое напряженное состояние, тянущееся много времени, не могло не отразиться на состоянии здоровья Марии Львовны. Осенью 1934 года она заболела. Сергей Миронович в это время получил от ЦК партии назначение выехать в командировку в Казахстан. Я в это время была в Ленинграде. Врачи советовали Марии Львовне Дом отдыха под Ленинградом. На семейном совете решено было, что я поеду с Марией Львовной в Дом отдыха обкома.

Пока Сергей Миронович был в Казахстане, Мария Львовна была спокойна за него и значительно поправилась. Когда же он вернулся в Ленинград, она опять лишилась покоя. Ее преследовали кошмары. Она трево-

жила за жизнь Сергея Мироновича. Спала плохо, просыпалась с критиками и рыданиями: "Сергея Мироновича убили". Приходилось срочно возвращаться в город, чтобы она могла убедиться, что Сергей Миронович жив.

х х
х

Вспоминается мне одно событие, которое Сергей Миронович очень тяжело переживал и потому поделился с Марией Львовной и со мной.

Он вернулся из Москвы после заседания Политбюро. Обсуждался какой-то вопрос, по которому мнения разошлись между всеми членами и т.Сталиным. Сталин рассердился, встал и ушел с заседания. Создалось тяжелое положение. Как быть? Надо кому-то пойти к Сталину и убедить его в неправоте и вернуть его на заседание. Эту миссию взял на себя Киров, который поговорил очень откровенно со Сталиным и Сталин согласился с ним и вернулся на заседание. Когда же они вдвоем возвращались на заседание, т.Сталин сказал Кирову: "Этого я тебе никогда не забуду". Мы поняли тогда слова Сталина как благодарность Кирову, которому удалось убедить Сталина и следовало быть очень довольными. Казалось и Сергей Миронович так понял слова Сталина. Но что-то тяготило Сергея Мироновича и он был расстроен.

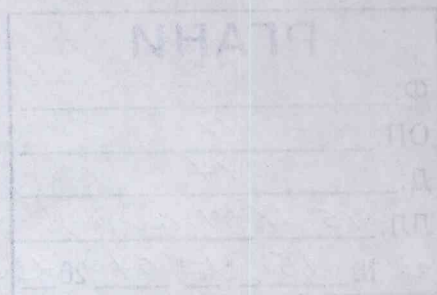
С.Маркус.

Ленинград, 1 декабря 1960г., Кировский пр., 2, кв.44.

Тов.Севастьянов Алексей Тимофеевич был одним из самых близких друзей Сергея Мироновича Кирова. Очень жаль, что его нет, он мог бы многое рассказать, так как Сергей Миронович был с ним очень откровенен

С.Маркус.

В е р н о:

Дорогая Ольга Григорьевна!

Я вспомнила, что у Севастьянова А.Т. было письмо от Сергея Мироновича. Я не знаю содержания письма, но знаю, со слов Алексея Тимофеевича, что, когда он был репрессирован не то в Царицыне, но то в Саратове и ему не поверили, что он был близким другом Кирова, он сослался на письмо Сергея Мироновича, которое находилось у него дома, в Москве. Прокуратура вызвала тогда жену А. Т-ча - Агнесу Антоновну с этим письмом. Она отвезла это письмо и вскоре А. Т-ча освободили.

Может быть это письмо сохранилось в семье и м.б. оно пригодится Вам? Я считала своим долгом сообщить Вам об этом.

Адрес: Москва, Петровка, д.26, кв.120, тел.Б-3-09-95, Агнеса Антоновна Журавская-Севастьянова.

С искренним уважением Ваша С.Маркус.

4.ХП-60г. Ленинград.

В е р н о :

